

Когнитивная мотивация дательного падежа в русском языке: посессор как затронутое лицо

Чжан Цзысюань

Пекинский университет, г. Пекин, Китай

zzx1996@pku.edu.cn, zzx961109@gmail.com

Аннотация. Дательный падеж в русском языке обладает множеством семантических функций, охватывающих значения получателя, бенефициара, экспериенцера и обладателя. Эти значения не являются изолированными, а связаны между собой общей когнитивной схемой. Первоначально дательный падеж выражал пространственное значение, обозначая «конечную точку направленного движения». Остальные значения метафорически восходят к этому исходному пространственному смыслу. Формы дательного падежа в предикативных и внешних посессивных конструкциях представляют собой результат такого семантического расширения. Физическое движение метафорически соотносится с передачей энергии или воздействия, а конечная точка движения — с посессором, на которого направлено воздействие. В этих конструкциях ключевым фактором употребления дательного выступает тесная связь между обладателем и обладаемым, а также «затронутость» посессора.

Ключевые слова: когнитивная грамматика, предикативная посессивность, конструкции с внешним посессором, дательный падеж

Original article

Cognitive Motivation of the Dative Case in Russian: The Possessor as an Affected Participant

Zhang Zixua

Peking University, Beijing, China

zzx1996@pku.edu.cn, zzx961109@gmail.com

Abstract. The Russian dative case exhibits a wide range of semantic functions, including recipient, beneficiary, experiencer, and possessor. These meanings are not isolated but are interconnected through a common cognitive schema. Historically, the dative case encoded a spatial meaning, denoting the endpoint of directed motion. Other meanings metaphorically derive from this initial spatial sense. The use of the dative in predicative and external possessive constructions represents the result of such semantic extension. Physical motion is metaphorically mapped onto the transfer of energy or impact, while the endpoint of motion corresponds to the possessor who becomes the target of this impact. In these constructions, the key factors motivating the dative are the close relationship between the possessor and the possessed entity, as well as the affectedness of the possessor.

Keywords: cognitive grammar, predicative possession, external possessor constructions, dative case

1. Введение

Дательный падеж, несмотря на широкую сферу употребления, обычно тесно связан с определенной группой семантических ролей: Целевая точка, Реципиент, Экспериенцер и Бенефактив/Малефактив. Хотя эти роли не полностью тождественны, они тесно взаимосвязаны. Например, реципиент

можно рассматривать как особое проявление цели, поскольку концепция пространственного перемещения может быть метафорически распространена на посессивность. Кроме того, тот факт, что во многих языках цель и экспериенцер маркируются одним и тем же дательным, объясняется тем, что «экспериенцер является разновидностью психической конечной точки или локатива» [1, р. 13]. Маркирование этих ролей дательным падежом не является случайным, а имеет концептуальную мотивацию. Задача данной статьи состоит в том, чтобы выявить эту концептуальную мотивированность. Именно когнитивная лингвистика — и прежде всего когнитивная грамматика — предоставляет инструменты для ее реконструкции. Во всех этих ситуациях дательный падеж обозначает конечную точку приложения некой силы, будь то физическая передача или психическое воздействие.

На данный момент исследования дательного падежа в предикативных и внешних посессивных конструкциях русского языка остаются недостаточными. Настоящая статья призвана продемонстрировать, что дательный падеж в этих двух конструкциях не имеет фундаментальных отличий от дательного падежа в других синтаксических позициях и при выполнении других функций, а его мотивация коренится в историческом значении конечной точки движения.

2. Семантика дательного падежа в когнитивной грамматике

В «Русской Грамматике» АН СССР (1980) основное значение дательного падежа подразделяется на объектное и субъектное. Объектное значение соотносится с пациентом, а субъектное — с неагентивным субъектом, чаще всего с носителем состояния или переживающим эмоцию [2, с. 430–431]. Данная грамматика перечисляет различные значения, но не стремилась объяснять, почему разные семантические роли маркируются одним и тем же падежом. Например, она не объясняет, почему субъект-экспериенцер в предложениях *Мне холодно*, *Ему плохо* и объект-получатель в *дать другу яблоко* выражает один и тот же дательный падеж. И как связан субъект *мне* в примере *Мне 18 лет* с субъектом в предыдущих примерах? Как отмечает З. Д. Попова, между всеми этими употреблениями нет внутренней мотивационной связи [3]. Поэтому некоторые нетипичные употребления дательного кажутся лишенными семантической мотивации и сохраняются лишь по традиции [4, с. 178], описываются лишь эмпирически, без объяснения.

Когнитивная грамматика, напротив, исходит из принципа, что падежный показатель сам по себе является символическим знаком, несущим абстрактное, но мотивированное значение, независимое от синтаксического контекста. По словам Р. Лангакера, «грамматика значима»: грамматика, так же как и лексика, имеет свою собственную семантику и основание в реальности [5, р. 3].

Общепризнано, что ядро, или прототипическое значение, дательного падежа проявляется в конструкции косвенного дополнения и выражается как получатель предмета. Употребление дательного с глаголом *дать* и его синонимами восходит к глубокой древности. Исследование А. Б. Правдина и Р. Мразека указывает на то, что древнейшее значение дательного — пространственное, оно кодирует «направленность» и «конечную точку движения» [6, с. 7; 7, с. 81; 8, с. 227]. Семантика глагола *дать* — «доб-

ровольно лишиться чего-либо, переместив предмет в пространстве в сторону получателя (т. е. в сторону конечной точки движения)» — разделяет семантические черты с пространственным значением. Таким образом, употребление дательного после глагола *дать* семантически мотивировано, оно стало прототипическим, что впоследствии закрепилось и в названии данного падежа.

Однако «чистый» получатель реализуется лишь в весьма ограниченном круге ситуаций. Центральное значение получателя расширяется двумя основными механизмами — синонимическим и метонимическим. Синонимическое расширение заключается в том, что глаголы, схожие по смыслу с *дать* (например, *продать*, *поручить*, *послать*, *принести*), также управляют дательным падежом. Все они концептуально принадлежат к одной семантической категории «направленной передачи собственности или физического предмета».

Метонимическое расширение проявляется тогда, когда семантика физического перемещения предмета метонимически переносится в абстрактные сферы. Например, во фразе *Поэт представился собравшимся* передается не материальный предмет, а информация о себе — социальная идентичность. В основе этого переноса лежит концептуальная метафора: «КОММУНИКАЦИЯ — ЭТО ПЕРЕДАЧА», а также «ИНФОРМАЦИЯ — ЭТО ПРЕДМЕТ». К этой группе относятся как глаголы невербальной коммуникации (*улыбаться*, *аплодировать*, *кланяться*), так и вербальной (*советовать*, *угрожать*, *лстить*).

Таким образом, дательный падеж маркирует не только физического получателя, но и адресата сообщения, эмоции или волевого акта, что демонстрирует его глубинную связь с идеей направленного воздействия.

3. Дательный падеж в предикативных посессивных конструкциях

В современном русском языке основным средством выражения предикативной посессивности (predicative possession) является локативно-экзистенциальная конструкция с предлогом *у* и родительным падежом.

Однако в древнерусском и старославянском языках существовала дательная *посессия*, как в примере (1):

(1) *аште бждетъ етероу чѣвоу ѿ овецъ*

Если будет у этого человека 100 овец... [6, с. 73]

В настоящее время ни один славянский язык не использует дативную конструкцию в качестве основной стратегии для выражения предикативной посессивности. Тем не менее в русском языке сохранились следы этой конструкции. Е. В. Чвани относит пример (2) к посессивным предложениям русского языка:

(2) *Ивану 21 год.* [9, р. 110]

Эту структуру можно рассматривать как абстрактную форму предикативной посессивности. Речь идет не об обладании конкретным объектом, а об «обладании» свойством — возрастом. Менее каноническим является пример (3), как подчеркивает Егор Цедрык, дательный падеж интерпретируется не как обозначение актуального, а как потенциального (перспективного) посессора. [10, р. 203]

(3) *Ване тоже есть книга.*

Такое предложение допускает парафразу *У меня тоже есть Ване книга*: если я передам книгу Ване, именно он станет ее фактическим обладателем. Таким образом, датив кодирует лицо, для которого актуализируется возможность будущего обладания предметом. В литературе отмечается, что значение потенциального посессора может проявляться и в других конструкциях с дательным падежом:

(4) *Начальнику много забот.* [2, с. 431].

(5) *Ему хватает неприятностей.* [2, с. 431].

С точки зрения когнитивной грамматики, подобные конструкции реализуют схему референтной точки (reference point construction): посessor как референтная точка, через которую устанавливается ментальный контакт с обладаемым объектом, активирует свой домен [11, р. 6; 12, р. 82]. Этот домен включает свойства, состояния и принадлежности посессора.

Например, в предложении *Начальнику много забот* выражение «много забот» концептуализируется как абстрактная сила или поток, направленный на посессора и оказывающий на него психологическое или физическое воздействие. Таким образом, дательный падеж здесь маркирует конечную точку приложения этой абстрактной «силы».

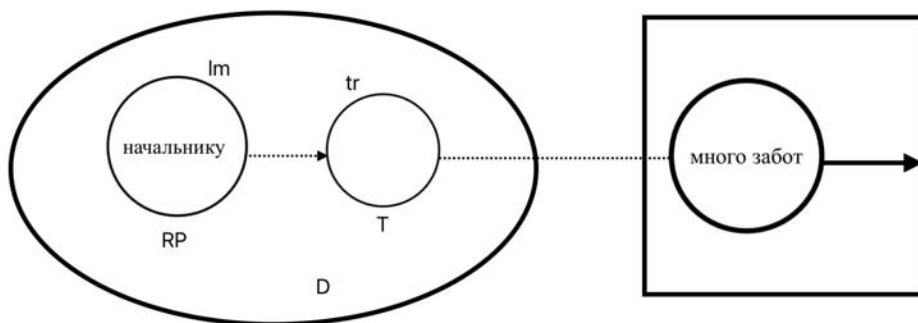

Рис. Схематизация примера *Начальнику много забот*

(круг и стрелка обозначают экзистенциальное отношение — «существует много забот»; в левой части RP — референтная точка; пунктирная стрелка обозначает ментальный путь, пунктир — соответствие).

Как отмечалось ранее, в современном русском языке более употребительной является конструкция с предлогом *у* + род. п. Хотя пропозициональное содержание этой конструкции эквивалентно дативной, когнитивные схемы, лежащие в их основе, существенно различаются. Ср.:

(6)

а. *Начальнику много забот.*

б. *У начальника много забот.*

(7)

а. *Ему хватает неприятностей.*

б. *У него хватает неприятностей.*

Конструкции (6а), (7а) несут важную семантическую нагрузку, отсутствующую в их эквивалентах с *у* + род. п. Они имплицитно передают семантику воздействия или влияния на референта, обозначенного в дательном падеже.

Употребление дательного падежа мотивировано древним пространственным значением данного падежа — направленность к цели. Первоначально дательный обозначал точку, к которой было направлено физическое движение. Это особенно заметно в древних памятниках, где беспредложный дательный чаще всего встречается после аористов *иде* и *приде*, используя для обозначения названий городов, к которым было направлено движение [13, с. 146]:

(8)

а. Иде Ярославъ Новугороду (Повесть временных лет).

б. Ярославъ приде Киеву (Повесть временных лет).

с. И приде Володимѣрь Киеву съ вой многы, и не може Ярополкъ стати противу и затворися Киевѣ (Повесть временных лет).

Именно это значение направленности подразумевает, что некий конкретный или абстрактный объект совершает движение в сторону цели, обозначенной дательным падежом, и оказывает на нее определенное воздействие. В результате исторического развития семантика дательного падежа расширилась от обозначения физического движения (например, *прийти к городу*) до выражения абстрактного воздействия по модели: «состояние/событие → затронутый участник». Поэтому в примерах (6а) и (7а) посессивное отношение осмысливается как направленный процесс. Посессор в форме дательного падежа (*начальнику, ему*) приобретает дополнительное значение «затронутого, испытывающего воздействие». И *много забот и неприятностей* концептуализируются как абстрактная сила или поток, которые направлены на посессора. Таким образом, дательный в данном случае маркирует конечную точку приложения этой абстрактной «силы».

4. Дательный падеж во внешних посессивных конструкциях как затронутое лицо

При обсуждении посессивности почти все учебники русской грамматики утверждают, что выражать принадлежность позволяют преимущественно родительный падеж и притяжательные местоимения. Однако нередко встречаются случаи, когда дативная конструкция может употребляться наряду с ними, а в некоторых контекстах дативный вариант оказывается не просто допустимым, но даже более естественным для носителей языка:

(9) *Прачка спалила ему рубашку / его рубашку.*

(10) *Развод искалечил ему жизнь / его жизнь.*

(11) *Соринка попала мальчику в глаз / в глаз мальчика.*

Чтобы прояснить сущность внешней посессивной конструкции, рассмотрим три типа конструкций, выражающих посессивные отношения:

(12) Притяжательное местоимение

а. *Она разбила его очки.*

б. *?В драке сломали его ребро.*

с. *Надо состричь её шерсть.*

(13) Предлог *у* + родительный падеж

а. *Она разбила очки у него.*

б. *?В драке сломали ребро у него.*

с. *Надо состричь шерсть у собаки.*

- (14) Дательный падеж
 а. *Она разбила ему очки.*
 б. *В драке ему сломали ребро.*
 с. *Надо состричь собаке шерсть.*

Пример (12) иллюстрирует типичный внутренний посессор, реализуемую через притяжательное местоимение внутри именной группы. В примерах (13) и (14) посессор выражен соответственно предложом у с родительным падежом или дательным падежом, находящимся вне именной группы, что и называется конструкцией с внешним посессором [14; 15; 16]. Вопрос о взаимозаменяемости родительного и дательного падежей при выражении посессивности до сих пор изучен недостаточно. А. Е. Кибрик отмечает, что «у + род. п.» является «наиболее нейтральным способом выражения внешней посессии, в то время как датив сочетает в себе значения направленности и реципиента, обычно являющегося затронутым участником события» [17, с. 315].

Традиционный анализ часто связывает дативные посессивные конструкции с неотчуждаемостью (inalienability), предполагая, что датив используется для выражения неразделимых отношений, таких как части тела или родственные связи [18; 19; 20]. Рассмотрим примеры:

- (15) а. *В драке ему сломали ребро.*
 б. ? *В драке сломали его ребро.*
 (16) а. *В шестнадцать лет ей прокололи уши.*
 б. ? *В шестнадцать лет прокололи её уши.*
 (17) а. *Своим звонком он испортил отцу настроение.*
 б. ? *Своим звонком он испортил настроение отца.*
 (18) а. *Когда они рубили дрова, Иван поранил Петру ногу.*
 б. ? *Когда они рубили дрова, Иван поранил ногу Петра.*

В контексте таких «неотчуждаемых» обладаемых объектов посессор обычно маркируется дательным. Предложения с соответствующими притяжательными местоимениями (15b-16b) или существительными в родительном падеже (17b-18b), хотя и грамматически правильны, звучат менее естественно. Тем не менее существуют и контрпримеры, где объект физически отчуждаем:

- (19) *Им перевернули всю квартиру.*
 (20) *Какой-то козел поцарапал мне машину.*
 (21) *Собака порвала ему брюки.* [Национальный корпус русского языка]

В этих предложениях обладаемые объекты «квартира», «машина», «брюки» физически отчуждаемы, они не имеют такой неотчуждаемой связи с посессором, как части тела. Это заставляет нас переосмыслить трактовку неотчуждаемости. Дж. С. Левин пытается объяснить это явление через прагматическое расширение, апеллируя к социально-культурному контексту и привычкам, предполагая, что отчуждаемые объекты в определенных контекстах «воспринимаются» как неотчуждаемые под влиянием прагматических факторов [21]. Однако такой подход, сводящий объяснение к гибким культурным или прагматическим обстоятельствам, снижает предсказательную силу теории.

Б. Ю. Норман предлагает иное объяснение, который позволяет более точно предсказать, когда дательный падеж будет естественным, а когда —

нет. Если объект обладания, с точки зрения говорящего, не обладает особой ценностью, то используются иные средства вместо дательного падежа [23, с. 94]. Ключевая мысль Нормана заключается в том, что дативное кодирование становится неестественным, когда в роли посессора выступает неживая субстанция или же в качестве элемента личной сферы — случайный предмет [23, с. 94]. Именно поэтому фраза *Я поцарапал чемодану крышку* в русском языке воспринимается как крайне неестественная. Формально крышка действительно является частью чемодана и относится к неотчуждаемым компонентам. Однако сам чемодан — неодушевленный предмет, который не способен «ощущать» значимость своей крышки. В предложении *Я поцарапал Маше чемодан* дательный падеж также не всегда уместен: чемодан является отчуждаемым объектом, и лишь контекст позволяет установить, насколько значим этот предмет для Маши и способен ли ущерб чемодану интерпретироваться как ущерб самой Маше. Если такой связи нет, использование дательного падежа будет звучать неестественно.

В этом отношении показательны и наблюдения польской исследовательницы Е. Домбровской, которая приходит к сходным выводам. В своей монографии 1997 г., посвященной семантике польского датива, Домбровская предлагает схематическую формулировку категории датива, основывающуюся на понятиях «личная сфера» (personal sphere) и «участник-мишень» (target person). По ее определению, «личная сфера» включает «людей, объекты, события и места, которые столь тесно связаны с индивидом, что любые изменения, происходящие с ними, непосредственно затрагивают индивида самого» [24, р. 16]. «Участник-мишень» — это индивид, личная сфера которого подвергается воздействию некоторого действия, процесса или события [24, р. 17]. Согласно её теории любое вмешательство во внутреннее пространство личной сферы приводит к актуализации дативного кодирования.

Концепция «личной сферы» позволяет также объяснить природу этического датива в русском языке. Дативный актант встраивается в предложение для обозначения лица, на которого направлено воздействие некоторого события, ср.:

(22) *А футбол и хоккей заменяют советским людям религию и культуру.*
[Сергей Довлатов. *Ремесло. Повесть в двух частях.* (1984)].

(23) *Увы, теперь поля, леса и дороги пахнут автору слабо.* [Эдуард Лимонов. *У нас была Великая Эпоха* (1987)]

В таких употреблении дательный падеж не обусловлен семантикой предиката, иначе говоря, он не является носителем тета-роли, специфицированной глагольной вершиной [26, р. 465]. Поэтому Норман называет такой датив необязательным [25, с. 67]. Как он отмечает, глагол *пахнуть* не предполагает наличия адресата: это — ненаправленное действие. Тем не менее окказиональный датив *автору* преобразует ситуацию [25, с. 68]. Событие интерпретируется как касающееся конкретного человека, как воздействие, вторгающееся в его личную сферу.

В свете данного анализа модель «личной сферы» также эффективно объясняет такие устойчивые структуры, как *Она ему не сестра*; *Я вам не игрушка*; *Он тебе не советчик* [2, с. 431], которые в «Русской грамматике» описываются как реализация объектно-определяющего значения

дательного. Формально их можно преобразовать в конструкции с притяжательными местоимениями (*Она не его сестра; Я не ваша игрушка; Он не твой советчик*), подобная трансформация устраняет акцент на направленном воздействии на индивида. Следуя Норману, эти конструкции обобщаются в предикатно-актантную схему «кто-то — кому-то — кто-то», при этом набор лексем, способных заполнять третью позицию, строго ограничен: наиболее естественными являются названия родственников, а также существительное, обозначающее значительную степень духовной связи или зависимости (Он мне друг, советчик, товарищ, помощник, учитель) [23, с. 91]. Эти классы лексики предпочтительны потому, что обозначают лиц, достаточно значимых для индивида и способных входить в его личную сферу, т. е. сферу, затронутость которой оправдывает использование дательного.

Следовательно, решающим фактором является не физическая неотчуждаемость, а степень затронутости (*affectedness*) посессора, или значимость объекта для посессора. Иными словами, когда обладаемый объект находится в личной сфере посессора, любое воздействие на него воспринимается как воздействие на самого посессора. Именно поэтому пример *Жизнь вы мне искалечили* не просто констатирует факт «испорченной жизни», но и предполагает полную причинно-следственную цепь: «вы испортили мою жизнь → я сильно пострадал → это имело для меня последствия».

Таким образом, неотчуждаемые объекты являются типичной, но не фундаментальной движущей силой конструкции. Основной мотив — затронутость посессора, а не физическая или юридическая отчуждаемость обладаемого объекта. Затронутость дативного посессора не является изолированной семантической чертой; ее обоснование укоренено в исторической семантике дательного падежа, а именно в присущей ему направленности и значении конечной точки движения. Движение концептуализируется как передача воздействия события, а пространственная конечная точка — как посессор, испытывающий влияние. При учете признаков «направленности» и «затронутости» становится очевидной когнитивная мотивация дательного падежа во внешних посессивных конструкциях: действие затрагивает не только обладаемый объект, но и самого посессора.

Заключение

Традиционные грамматики хотя и детально описывают синтаксическое распределение и функциональную классификацию дательного падежа, в силу ограничений структуралистской парадигмы не раскрывают его внутренних когнитивных связей, особенно в отношении таких периферийных явлений, как предикативная и внешняя посессивные конструкции. Множественные значения дательного не являются дискретными и независимыми. Дательный изначально маркировал «конечную точку движения», и его значения всегда связаны с «направленностью» и «затронутостью»: от конечной точки движения к получателю в ситуации «передачи», а затем к затронутости посессора в предикативной и внешней конструкциях — по сути, все они наследуют одну и ту же когнитивную модель. Семантическое расширение представляет собой метафорическую проекцию пространственной схемы на абстрактный уровень. Таким образом, когнитивный подход раскрывает внутреннее единство категории дательного падежа,

предлагая системное объяснение там, где традиционные грамматики ограничивались описанием отдельных функций. Это открывает новые перспективы как для лингвистической теории, так и для практики преподавания русского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Landau Idan*. The locative syntax of experiencers. Cambridge: MIT press, 2009. 178 p.
2. АН СССР. Русская грамматика Т. II. [под редакцией Н. Ю. Шведовой]. М.: Наука, 1980. 717 с.
3. *Попова З. Д.* Из семантической истории дательного падежа // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. С. 48–53.
4. *Попова З. Д.* Просторечное употребление падежных форм и литературная норма // Золотова Г. А. Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 176–186.
5. *Langacker R. W.* Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.
6. *Правдин А. Б.* Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 3–120.
7. *Правдин А. Б.* К вопросу о праславянских значениях дательного падежа // Вопросы языкознания, 1957. № 6. С. 80–83.
8. *Мразек Р.* Дательный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка под ред. Иосифа Курца. Прага, 1963. С. 225–261.
9. *Chvany Catherine. V.* On the Syntax of Be-sentences in Russian. Cambridge, MA: Slavica, 1975. 311 p.
10. *Tsedryk E.* The modal side of the dative: From predicative possession to possessive modality // In Pineda A. & Mateu J. Dative constructions in Romance and beyond. Berlin: Language Science Press, 2020. P. 195–219.
11. *Langacker R. W.* Reference-point constructions // Cognitive Linguistics 1993. Vol. 4. № 1. P. 1–38.
12. *Langacker R. W.* Investigations in cognitive grammar. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. 410 p.
13. *Иванов В. В., Потиха З. А.* Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: Пособие для учителя. - 2-е изд. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
14. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки Славянской Культуры, 2004. 608 с.
15. *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н.* Русские посесивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания, 2006. №1. С. 16–45.
16. *Malchukov A., Haspelmath M. & Comrie B.* Ditransitive constructions: a typological overview // Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010, P. 1–64.
17. *Кибрик А. Е.* Внешний посессор в русском языке // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307–319.
18. *Levine J. S.* On the dative of possession in contemporary Russian // Slavic and East European Journal, 1984, № 28. P. 493–501.
19. *Cienki A.* Experiencers, possessors, and overlap between Russian dative and u+ genitive // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1993. P. 76–89.

20. *Cienki A.* The semantics of possessive and spatial constructions in Russian and Bulgarian: a comparative analysis in cognitive grammar//Slavic and East European Journal, 1995. № 39. P. 73–114.

21. *Levine J. S.* Pragmatic implicatures and case: The Russian dative revisited // Russian Language Journal, 1990. № 44. P. 9–27.

22. НКРЯ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

23. *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2013. 254 с.

24. *Dąbrowska E.* Cognitive Semantics and the Polish Dative. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1997. 240 p.

25. *Норман Б. Ю.* «Необязательный» дательный падеж при русском глаголе // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2018. № 53. С. 61–74.

26. *Shibatani M.* An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives//Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1994. Vol. 20. 461–486.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторе:

Чжан Цзысюань — аспирант.

Information about the Author:

Zhang Zixuan — postgraduate student.